

Лев Кассиль

Улица младшего сына (фрагмент)

Глава I Надпись в подземелье

В этот день, который Володя запомнил навсегда, мать взяла его и сестру Валю в Старый Карантин. Каждую весну они приезжали сюда из Керчи к дяде Гриценко. Здесь у Евдокии Тимофеевны был небольшой огород. А с Ваней Гриценко, своим троюродным братом, Володя давно сдружился. Мальчики считали себя давнишними друзьями.

— Мы с Гриценко Ваней старинные товарищи, — любил говорить Володя.

— Кто старинные, а кто и не очень, — неизменно возражал при этом Ваня Гриценко. — Еще носом не дорос до старинного.

— Ну, а ты сам?

— Я — другой вопрос. Ты себя со мной не равняй, — отвечал Ваня.

Он был на целый год старше Володи. Ему уже минуло девять лет.

Володя любил поездки в Старый Карантин. Здесь он с матерью и сестрой Валею обычно проводил лето. Целые дни дети бегали по холмам, заросшим колючим татарником с большими розоватыми цветами, мохнатыми и похожими на толстый помазок для бритья. Они бегали к рыбакам-забродчикам Камыш-Буруна и сами ловили бычков и барабулек, а потом возвращались в беленький домик дяди Гриценко, сложенный из камня-ракушечника, и требовали, чтобы их добыча непременно шла в общий котел. И, когда был хороший улов, все ели да похваливали удачливых рыболовов, а дядя Гриценко, сам бывший рыбак, говорил:

— Ну, ну, рыбаки, питатели семейства!.. Языком не болтай, жуй на оба бока, костями не давься! — и легонько стучал ложкой по носам рыболовов.

Да, это было распрекраснейшее место на свете — Старый Карантин. Здесь можно было купаться в море, где у берега совсем неглубоко, пускать корабли, помогать рыбакам смолить их лодки,

растягивать сети на просушку. А сколько уголков для игры в прятки таилось на холмах за поселком, где торчала пирамидальная, похожая на форму для творожной пасхи вышка над стволом шахты, лежали сложенные стенами, аккуратно нарезанные, как сахар-рафинад, белые камни ракушечника, слепящего глаза на солнце, а дальше, среди заросших холмов, открывались порой незаметные входы в шурфы и штольни каменоломен.

Правда, мать и особенно сам дядя Гриценко строго-настрого запрещали прятаться в этих полуобвалившихся тоннелях. На эти места здешними мальчиками был наложен запрет, и считалось «чур, не игра», если кто-нибудь прятался там. Но все же было очень соблазнительно заползти в такую дыру и прятаться там, пока тот, кто куликал, сбившись с ног рыскал по поверхности, а потом неожиданно выскочить у него за спиной, прямо из-под ног, и что есть духу нестись наперегонки к большому камню, возле которого брошена «палочка-застукалочка».

И все это можно было снова испытать сегодня!

День был воскресный. Мать надела черную кружевную шаль, нарядила Валентину в новое платье, прошитое широкой тесьмой, а Володя по случаю поездки в Старый Карантин надел матросскую курточку. Конечно, она была не совсем матросская. Непонятно, например, зачем понадобилось привешивать под вырезом воротника что-то вроде галстучка. Неправильно это было. Не носят таких штук настоящие матросы. И, надо признаться, Володя один раз оторвал этот совершенно девчачий бантик, когда с матерью ходил в гости. Но сестра Валентина специально, чтобы доказать, что она старше и главнее, нашла за сундуком этот хвостик от курточки. И матросский вид Володи был снова испорчен.

Вани Гриценко не оказалось дома. Он был во дворе за домом и занимался в уединении делом, о котором всякий иной мальчик мог лишь мечтать.

Утром он выменял у одного из соседских мальчишек, отец которого работал в аптеке, на свою шпульку с летающей жестяной вертушкой — разбитый медицинский термометр. И вот сейчас, стоя в тени за домом, Ваня держал перед самыми глазами картонную коробочку из-под папирос. По дну ее бегала тяжелая зеркальная капля ртути. Она то вытягивалась, то сжималась, как живая, внезапно распадалась на две-три выпуклые лепешечки, которые

вдруг снова сливались вместе. Все это доставляло счастливому владельцу ртутной капли огромное удовольствие.

Володя подкрался неслышно сзади и застыл, любуясь через плечо товарища поистине замечательным зрелищем. Увлеченный своим занятием, Ваня не заметил его. Но вдруг он почувствовал, как две горячие шершавые ладони крепко сжали ему виски, не давая обернуться. Ваня попробовал вырваться, но руки у него были заняты коробочкой со ртутью.

— Пусти! — проворчал он.

Сзади не отпускали.

— Брось, слушай!.. Кто это?

Сзади молчали, продолжая крепко сжимать ладонями Ванину голову. Ваня потоптался на месте, поворачиваясь то влево, то вправо, но тот, кто держал, ловко увертывался, все время оказываясь за спиной. Пришлось смириться и действовать по правилам, то есть начать отгадывать.

— Знаю! Только Ковалев?

— Ым...

— Витюха, ты?..

— Ы!..

— Серега с Камыш-Буруна?

Сзади опять промычали отрицательно.

Избычившись, Ваня сумел заглянуть себе под ноги и заметил за ними пару ног в новеньких, но уже покрытых белой пылью ботинках. Тот, кто держал сзади, вероятно, был мал ростом, потому что вставал на цыпочки, чтобы справиться с головой Вани. Белая же ракушечная пыль на ботинках говорила о том, что владелец их пришел издалека и со стороны каменоломен, где останавливался автобус из Керчи.

— Вовка, что ль, Дубинин? — неуверенно назвал Ваня.

Сзади разом отпустили руки. Ваня оглянулся и увидел троюродного братишку. Друзья не виделись давно, с самой зимы. Оба быстро оглядели друг друга, примериваясь глазом, насколько вырос каждый. При этом Ваня Гриценко с удовольствием отметил, что Володя не догнал его, хотя и тянулся сейчас что есть силы.

— А я сразу подумал, что это ты, — сказал Ваня, — только проверить хотел сперва.

— Да, да! — вставая на носки и задирая свой без того задорно торчавший нос, смеялся Володя. — Сразу догадался! А сам

всех перебрал. И Тольку и Серегу. Здорово я тебя подловил! Я знаю, ты меня по ногам узнал, а то бы никогда не догадался.

— Да ну, «не догадался!» Ты вот гляди, что у меня есть, — проговорил Ваня, протягивая приятелю коробочку. — Видал?

У Володи загорелись было глаза, но он тотчас же справился с собой. — А ну, покажи! Это там что?

Зеркальный живчик бегал по коробке, не оставляя следа, бесшумно и неуловимо, как бегают солнечный зайчик.

— Дай мне покатать, — попросил Володя.

— Но-но... — отвечал Ваня, отводя Володину руку в сторону локтем. — Дорости сперва. Ты не тянись. Это знаешь что? Ртуть называется. Такая вода из железа. Ну, понимаешь, ртуть? Она знаешь ядовитая какая! Вот эту каплю проглотить — она сразу в кишки прыг, в сердце закатится — и конец человеку. Так и будет там кататься...

— Дай я немного покатаю.

— Да ты с ней обращаться не умеешь. Еще упустишь.

— Вот увидишь, не упусти.

Наконец Ваня согласился и уступил. Володя неверными от волнения руками принял коробочку и стал гонять по ее дну ртутную каплю. И вдруг от слишком резкого движения серебряная капля скользнула в угол наклоненной коробочки и выпрыгнула из нее на землю. Там она тотчас же рассыпалась на мелкие блестящие брызги, словно в землю по самую головку вкололи десятки булавок.

— Ну вот! — чуть не плача проговорил Ваня. Он ужасно рассердился. — Говорил, что упустишь! Где тебе со ртутью дело иметь, такому малявке!..

Володя был убит. Он сел на корточки, пытаясь собрать ртутные брызги. Но из этого ничего не вышло.

— Это потому, что ты меня торопил очень, — оправдывался Володя. — Ну ладно, ты не сердись. Я тебе, хочешь, золотую проволочку вот такой длины подарю? У меня есть. А могу бабочку «мертвая голова», сушеную... Или перо от ястреба... Что хочешь.

— На что мне твое перо! Мне ртуть нужна.

— А зачем тебе она?

— «Зачем»! опыты делать... по физике. Мы будем скоро уже физику проходить. Уже через два года... если этот не считать.

Ах, это был новый удар! Володя и позабыл совсем, что Ваня этой весной уже перешел во второй класс. Володе же предстояло осенью поступить лишь в первый, а пока он ходил еще в детский сад.

— Хуже нет с дошколенками связываться! — продолжал Ваня и пренебрежительно плюнул.

— Ну и не больно тебя просят связываться! — обиделся Володя. — Я не люблю, когда так говорят... Ты лучше не смей обзывать!..

— А что мне будет?

— А вот уйду сейчас и не приду к вам больше — и все.

— Тебя не спросят. Мать привезет.

— Не захочу — не привезет. Вот возьму и сейчас уеду.

— На чем? На палочке верхом? А деньги на билет, на автобус, есть?

— А я пешком пойду, вот так, — проговорил Володя, одернул курточку, сел на землю, мигом разулся, взял в руки ботинки с засунутыми в них чулками и зашагал прочь со двора. Лицо у него было решительное, выпяченные губы пухлого рта были крепко сжаты.

Он шел не оглядываясь, сердито выворачивая босыми пятками пыль. И Ваня понял, что Володя действительно уйдет и отшагает все семь километров до города. Он знал характер своего младшего друга: уж если Володя что сказал, так он это сделает во что бы то ни стало. Надо было остановить Володю, чтобы не попало обоим. Но Ване не хотелось унижаться.

— Эй, Вовка, брось! — крикнул он. — Гордый какой, в самом деле! — Ваня влез на забор, перевесился наружу. — Хватит тебе, говорю! Давай назад!..

Володя уже был за калиткой. Маленькая его фигура в запыленной матросочке быстро двигалась по улице поселка. Володя даже не обернулся. Ваня выбежал за ним на улицу.

— Стой, Вовка, погоди!.. Я какую загадку знаю, вот реши! Ни в жизнь не отгадаешь!

Володя чуточку замедлил шаг и обернулся, поглядев через плечо на догонявшего его приятеля.

— Вот слушай, — запыхавшись, проговорил Ваня, настигнув его наконец. — Вот что это значит: «Детина полуумный на диване»?

Володя остановился.

Действительно, что это значит? Ну, сумасшедший на диване... В чем тут хитрость?

— Это никто не решит, — утешил его Ваня. — У нас в классе никто не отгадал. Я тоже сперва не разобрал, — добавил он, чтобы окончательно смягчить положение.

— «Детина полуумный...» — повторил Володя. Ваня видел, что он уже не уйдет, пока не узнает.

— Идем домой, — проговорил он, — а я тебе сейчас отгадку скажу.

Володя постоял с минуточку в раздумье, потом медленно пошел в сторону дома Гриценко.

— Ну, говори отгадку, — сказал он, остановившись возле калитки. — А то не пойду.

— За калиткой скажу. Прошли во двор.

— Ну, вот теперь слушай, — важно проговорил Ваня. — Это значит; дети на полу, умный на диване. Здорово?

Да, за этим стоило вернуться! Эх, скорее бы в школу, чтобы самому узнать все эти ученые штуки!

Теперь все уже пошло гладко. Друзья стали вспоминать всякие приключения, бывшие с ними зимой во время разлуки.

— Ты под Новый год поздно лег спать? — спрашивал Володя. — Ты до какого часу не спал? А я сперва не хотел ложиться, а потом нечаянно разоспался и уже даже не хотел вставать. А после по радио заиграли «Вальс-каприс», и я развеселился. А тут еще Валька стала дразниться, что я одним глазом сплю, а другим дремлю. И я уже не стал хотеть спать совсем.

Потом решили идти купаться.

— А помнишь, как я утонул, когда маленький был?

И опять была рассказана пренеприятная, уже хорошо известная Ване история. Дело в том, что прошлым летом Володя еще не умел плавать и должен был во время купания с мальчиками довольствоваться тем, что барахтался у самого берега. Правда, Володя вскоре выучился водить по дну руками, болтая при этом ногами. И казалось, что он плывет. Но раз на берег пришли ребята в городской окраины Глинки, считавшиеся в Керчи самыми отчаянными, и сразу заметили обман.

— Эй ты, грязнуха, землечерпалка! — крикнул один из них. — Чего по дну корябаешься?

Володя сказал:

— Не видел, так не ври... — И для большей убедительности добавил: — У меня только ногу свело, а то бы я показал вам, как плавать надо.

Большие глинковские мальчишки засмеялись. Один из них поддразнил:

— А ну-ка, покажи, лягушонок, как ты пузыри пускаешь! Может быть, нас поучишь?

— Он, как воробьишка, только в пыли купаться может.

Володя уже собирался уходить и натягивал штанишки, прыгая на одной ноге по берегу, но тут он содрал их с себя и отбросил в сторону.

— А что, не покажу, думаешь? Вон сейчас с того места прыгну!

— А ну, прыгни! — поддразнивали мальчишки из Глинки.

Володя влез на камни мола и огляделся. Как назло, никого из керченских друзей поблизости не было; значит, не на кого было надеяться. Однако надо было спасти честь керченских пловцов. Володя посмотрел вниз. Он знал, что здесь возле мола глубина — два раза с головой... Но делать нечего, отступить уже было поздно. «А может быть, и выплыву», — подумал Володя, припоминая часто слышанные им рассказы о том, что если человека сбросить на глубокое место и он сразу не испугается, так непременно выплывет. Володя зажмурился, набрал в грудь как можно больше воздуха (даже за щеками запас сделал) — и прыгнул. Он звонко шлепнулся, отбив себе сразу живот, охнул, отчего весь воздух, распиравший его щеки и грудь, вырвался наружу. Почувствовав, что погружается, Володя отчаянно заработал руками и ногами, открыл со страху глаза, — зеленовато-желтая, как огуречный рассол, влага, тяжелая, мутная, сдавила ему грудь, раздвинула насильно зубы и, казалось, заполнила его всего целиком ужасным холодом и разрывающей болью. Володя захлебнулся и пошел ко дну.

Глинковские мальчишки, с насмешливым равнодушием взиравшие на Володю до его прыжка, видя, что нырнувший мальчуган не показывается на поверхности, забеспокоились и стали звать на помощь, бросаться в воду, нырять, чтобы вытащить Володю. Ближе всех к месту происшествия был пожилой рыбак,

возвращавшийся из моря в своей шлюпке. Он видел прыжок Володи, слышал крики мальчишек и, как был, не раздеваясь, бросился с лодки в том самом месте, где еще минуту назад всплывали небольшие пузыри.

Он вынырнул, отплевываясь, зажал большими пальцами уши, а ладонями нос и рот — и снова погрузился в воду.

Через минуту Володя уже лежал на каменных плитах мола и спасший его рыбак растирал неподвижное тело мальчика, переворачивая его со спины на живот, подставляя под него свое колено, разводил руки Володи. Вскоре Володю стошнило, дыхание подняло его грудь. Медленно раскрылись глаза, еще бестолково глядевшие на белый свет, куда он снова возвращался.

— Ну, а теперь пускай полежит, обсохнет на солнышке, — сказал рыбак, обжимая на себе мокрые штаны и блузу. — Вы матери его ничего не говорите, а то будет ему дома... Ничего, отойдет. А второй раз не полезет, где глубоко.

Рыбак пошел на берег, куда мальчишки подтянули брошенную им лодку. Кто-то принес Володе его штанишки.

Икая, трясясь, мокрый и жалкий, как цыпленок, только что вылезший из яйца, Володя побрел домой. Но он нашел в себе силы остановиться, узнал в окружавшей толпе мальчишек главного глинковского обидчика и, справившись с прыгающим подбородком, икая, процедил сквозь лязгавшие зубы:

— А в-в-в... вв... все-таки прыг... ик!.. нул... Он бы, может быть, еще что-нибудь сказал глинковским, но вдруг почувствовал, что его подхватывают на руки, тут же одной рукой дерут больно за ухо, другой прижимают голову к чему-то мягкому, знакомому, пахнущему всеми родными, домашними запахами, и на лицо его часто закапало соленым, как море, но теплым... Это прибежала из дому мать, которой кто-то уже успел сообщить о происшествии, крикнув под окном: «Тетя Евдокия, ваш Володя утонул!» И героя унесли на руках укутанным в материнскую шаль. Впрочем, никто не смеялся. Никто. Даже глинковские...

Дома Володя, предварительно докрасна натертый скипидаром, отогрелся под тремя одеялами, а отогревшись, сказал матери:

— Мама, дай мне три рубля.

— Это за что тебе три рубля, дрянюшка такая? Всю ты мне душу надорвал... Никуда ты больше не пойдешь от меня! Минуты

с тобой покоя нет... Вот напишу отцу обо всем. Вишь ты, еще имеет столько дерзости, что после всего трешку просит! Да за что тебе деньги давать? Володя высунулся из-под одеяла и серьезно сказал:

— За то, что не утонул до смерти. Эх ты, жалко!.. Другая бы мама даже десять рублей дала, раз не утонул...

— Ты у меня вот сейчас заработаешь...

— Дай, мама... Я пойду леденчиков для того рыбака куплю. И чай пить к нам позову. Что он, зазря меня спасал, что ли? А я знаю, где он на базаре сидит. Он там бычками торгует.

И в тот же вечер рыбак, вытащивший Володю из моря, сидел, несколько смущенный, на почетном месте за столом у Дубининых, пил чай, и не только чай — мать хорошо угостила его. Рыбак откусал, поблагодарил и на прощание сказал:

— Очень вас благодарствую... Извините за излишнее беспокойство. Напрасно вы все это заведение устроили. Этого у меня и в мыслях не было, когда я туда за ним нырял... А сынок у вас, видать, боевой растет. Далеко поплывет. Главное, видать, что принципиальный, даже чересчур, я так скажу...

Но это было давно. А теперь Володя был уже отличным пловцом, за которым в море не могли угнаться мальчишки даже старше его на много лет. И сейчас они с Ваней выбрали место поглубже, разделись и прыгнули в еще холодную по-весеннему воду. У них захватило дух, но, фыркая, отплеываясь, сами себя подбадривая зверскими выкриками, они старались перефорсить друг друга всякими фокусами, которые хорошо знают все черноморские мальчишки. Ваня вскоре так застыл, что вылез на берег весь синий и пупырчатый, а Володя все еще куролесил в море: то он плыл «пароходиком», то есть подняв вверх одну ногу и руку, как мачты; то делал «березку», ныряя вниз головой и выставляя над поверхностью воды ноги растопыркой; то изображал «свайку», для чего на глубоком месте вылезал по пояс из моря, уверяя, что там мелко и он стоит на дне.

Исчерпав все штуки, которым его обучили ребята у керченского мола, Володя как ошпаренный выскочил на берег, кинулся надевать штаны и матросочку, лязгая зубами и прыгая, чтобы согреться.

После этого решили сыграть в прятки там, где всегда играли, за каменоломнями.

— Только, чур, Володька, в шурфы, штольни не лазить! — предупредил Ваня. — Смотри, уговор был.

Володя хорошо знал это правило, но каждый раз его так и подмывало укрыться в таинственно чернеющем каменном жерле, откуда тянуло сыроватой духотой. Он много раз еще в прошлом году пытался уговорить Ваню спуститься вместе с ним в один из ходов, заброшенных, полузаросших татарником. Но Ване крепко-накрепко было наказано отцом ни в коем случае не лазить в эти черные ходы и даже близко к ним не подходить. О заброшенных штольнях, зиявших меж холмов поодаль от главной вышки каменоломен, среди мальчиков Старого Карантина ходили недобрые слухи. Говаривали, что по ночам в штольнях блуждают какие-то огни, заманивающие одиноких прохожих, и человек, рискнувший пойти на огонек, уже больше не возвращается обратно. Во времена гражданской войны места эти были обильно политы кровью. Кое-где меж камней сохранились безымянные могилы. Ребята обходили эти места; а Ваня Гриценко уверял, что он однажды сам видел, как у входа в один из шурфов бегали бледные лиловые огоньки и уходили, скрываясь под землю.

Днем эти запретные места неотвратимо влекли к себе мальчишек, и любопытный Володя давно уже помышлял о том, чтобы заглянуть хоть немножко в черную глубину каменоломен. В Старом Карантине говорили также, что подземелья эти оберегают тайну забытых кладов. А тут еще в Керчи, на Митридате, ученые, занимавшиеся раскопками, нашли какие-то ценные древности. Все это очень тревожило воображение ребят. Кто знает... может быть, и здесь, в заброшенных шурфах старых каменоломен, тоже таятся какие-нибудь сокровища!

Куликать первому пришлось Володе. Он терпеливо отсчитал до двадцати четырех, крикнул: «Двадцать пять — я иду искать!» — и, вскочив с земли, где он лежал ничком, сразу заметил зеленевшие за большим камнем штанишки Вани Гриценко, который, тщательно упрятав голову, совсем забыл о других, более приметных частях своего тела. Застучав Ваню и убедившись, что он, в свою очередь, плотно закрыв руками глаза, лежит, как подобает, ничком, Володя, нарочно громко топая, отбежал в сторону. Там, коварно изменив направление, сначала на цыпочках, а затем сняв немилосердно скрипевшие ботинки, в одних чулках, он осторожно двинулся в

другом направлении и притаился за невысоким холмом, припав к земле.

Отсюда хорошо был виден весь залив. Прямые улочки Старого Карантина с беленькими домиками тянулись до самого моря. За широким проливом слева, больше угадываемые, чем видные, едва синели возвышенности Тамани, предгорья Кавказа. Справа, у Камыш-Буруна, высились корпуса железорудного комбината. Дальше море было уже безбрежным — открытым Черным морем. Большой наливной пароход подходил к бухте. Слепящие алмазные вспышки электросварки, видные на много километров, возникали на берегу то здесь, то там, как будто кто-то перекачивал неуловимые капельки ртути, и Володя еще раз твердо сказал себе, что он непременно достанет где-нибудь для Вани новую ртуть вместо упущенной им сегодня так неловко...

Но тут он услышал шаги Вани, шорох бурьяна и стал спешно отползать с холма вниз, чтобы не попасться на глаза приятелю. Володя пятился задом. Из-под него во все стороны прыскали кузнечики, колючий татарник цеплялся за курточку. Володя отползал, не сводя глаз с вершины холма, и вдруг пятки его уперлись во что-то твердое. Он огляделся через плечо и увидел, что он заполз в небольшую расщелину между двумя рухнувшими глыбами ракушечника. Из расщелины тянуло затхлой прохладой. Володя заглянул за камень и заметил, что позади обвалившейся глыбы открывается подземный ход, уходящий в глубь земли. Это был один из давно заброшенных шурфов. Вход в него полуосыпался, рухнувшие глыбы земли почти завалили отверстие, но все же оставался проход, за которым просунувший туда свою голову Володя разглядел тонувшую в сумраке, круто уходившую под землю галерею.

Володя помнил уговор, но шаги Вани раздавались совсем уже близко, а отверстие шурфа как бы само засасывало в себя. Володя решил, что он только на минуточку заберется в темный проход, пока Ваня не пройдет мимо, а потом сейчас же выкарабкается обратно. Он заполз в отверстие галереи и замер там. Но внезапно, когда Володя немножко отодвинулся назад, под левой ногой его оборвался ком земли, и он почувствовал пустоту. Что-то похожее на ощущение, памятное по истории у мола, охватило Володю. Он забарахтался, теряя опору, и, обдираясь об осыпающиеся камни, полетел вниз.

Ваня Гриценко долго лазил меж камней, ища Володю. Наконец он сдался и закричал:

— Вылезай, Володька! Перепрячься. Я опять куликать буду. Ответа не последовало.

Ваня покричал еще, обшарил все заросли татарника, заглянул во все расщелины меж камней и забеспокоился не на шутку: Володя исчез, словно сквозь землю провалился.

А может быть, он действительно провалился сквозь землю? Эта мысль так перепугала Ваню, что он, перебегая от одного провала к другому, стал заглядывать в каждый, крича в темноту:

— Вовка!.. Где ты? Э-гей, Вовка!.. Если тут — вылазь!.. Чур, не игра! Это против уговора!..

Но Володя не откликнулся.

Ваня продолжал внимательно осматриваться, ожидая со стороны Володи какого-нибудь сюрприза: вот как выскочит сейчас из-под самого носа, словно перепелка, и застучит у камня. Но тут он заметил помятые кусты татарника с обломанными и оборванными бутонами и, подойдя поближе, обнаружил свежий провал у входа в один из самых заросших шурфов, считавшийся среди мальчиков Старого Карантина залятым. Превозмогая робость, Ваня подполз поближе, заглянул в провал и закричал:

— Э-ге-гей!.. Э-гей!.. Вовка!..

И вдруг откуда-то снизу из темноты донесся замирающий голосишко:

— Э-эй-эй...

— Ты там?

— Ага, — донеслось снизу. — Только я отсюда никак вылезть не могу.

— А где ты?

— Я сам не знаю где, — отвечал из-под земли голос Володи.

Ваня попробовал было спуститься к товарищу, но, заглянув вниз, ничего не мог разглядеть, кроме тьмы, которая заполняла круто уходивший вниз разрушенный наклонный колодец.

— Ты зачем туда залез?

— Я не сам... Оно тут все провалилось, я и съехал...

— Ну тогда сиди там, а то еще глубже провалишься, а я сейчас за нашими сбегаю.

Ваня знал, что другу его крепко влетит от старших: Володя нарушил строжайший запрет и полез прятаться в шурфы, — но

надо же было как-нибудь вытащить его из-под земли! Вот как его угораздило! Здесь еще в прошлом году провалилась корова одного из соседей Гриценко.

Прибежав домой, Ваня не решился сразу сообщить старшим о происшествии. Лучше было действовать через старшую сестру приятеля, степенную толстушку Валю.

— Валя, — шепотом сказал Ваня, делая знаки Володиной сестре, — выдь-ка во двор, я тебе скажу что... Любопытная Валя охотно вышла с Ваней во двор.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонементов по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.